

УДК 009:7.01

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Попов Д.А.

ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
Министерства образования и науки РФ, Саратов, e-mail: pvden@yandex.ru

Проанализированы общие с искусством особенности гуманитарного знания. Автор приходит к выводу, что многими качествами гуманитарное знание сближается с художественной деятельностью. Когда оно репрезентирует художественную реальность, оно само становится художественным. Если гуманитарное знание предлагает модели прекрасного, оно опирается на их иррациональную убедительность. Гуманитарное знание имеет личностное значение для субъекта, также в его создании огромную роль играет личность исследователя, и на протяжении последних двух столетий значение субъективного начала в гуманитарном знании только усиливается. Гуманитарное знание использует образные элементы для воссоздания реальности, оно обладает высоким уровнем эмоциональности. Для гуманитарного знания невозможно соответствовать стандартам научности, принятым в естествознании, оно занимает промежуточное положение между наукой и искусством.

Ключевые слова: гуманитарное знание, наука, искусство, субъективность

ARTISTIC ASPECTS OF THE HUMANITIES

Popov D.A.

Saratov State University n.a. N.G. Chernyshevsky, Saratov, e-mail: pvden@yandex.ru

Analyzed the overall quality of the Humanities and arts. The author concludes that many of the qualities of the Humanities similar to quality artistic activities. When the Humanities represents the artistic reality, it itself becomes art. If Humanities offers models is beauty, it relies on their irrational convincingness. Humanitarian knowledge has a personal value for the subject, also in its creation plays a huge role the identity of the researcher. Humanities uses images to recreate reality, it has a high level of emotion. For the Humanities it is impossible to meet the standards accepted in natural Sciences, it occupies an intermediate position between science and art.

Keywords: Humanities, science, art, subjectivity

Особый статус гуманитарного знания неоднократно становился предметом философского анализа. В XVII веке, в период закладывания основ и принципов научного знания, сама возможность существования гуманитарных дисциплин не признавалась. Так, Ф. Бэкон считал историописание деятельностью, связанной с памятью, а не с разумом, и, следовательно, не имеющей отношения к науке и философии [3]. Невозможность научной истории или филологии отмечалась и картезианцами, поскольку признаком «настоящей» науки для них являлось использование математических методов, а в XVII веке их применение для изучения прошлого или настоящего человеческой культуры представлялось невозможным.

Однако в XIX веке вновь возник вопрос о создании социогуманитарных научных дисциплин. Позитивистская философия О. Конта рассматривала отсутствие научного подхода к человеку и обществу как досадное упущение, зияющий пробел в том грандиозном сооружении, которое представляло собой научное знание. Социология как «наука о человечестве» должна была на равных войти в систему шести основных наук, увенчав собой систему научного знания [4, с. 234]. Призыв к научному подходу в гуманитарной области был услы-

шан: и научная история, и социология, и научная филология ведут отсчет своего существования с XIX века, с появления первых исследовательских проектов, идентифицировавших себя как «научные». В истории это позитивистская школа Леопольда Ранке, сформулировавшая для себя задачу описывать прошлое «как оно было на самом деле», в лингвистике – это школа В. Гумбольдта, в рамках которой начался переход от умозрительной философии языка к непосредственным лингвистическим исследованиям, в социологии – исследования самого Конта, стремившегося сформулировать законы социальной статистики и динамики.

Вместе с тем с самого начала гуманитарные исследования столкнулись с серьезными проблемами. За эталон они были вынуждены брать естествознание, его строгие и эмпирически проверяемые теории. Однако если само создание разнообразных теорий не вызывало сложностей, то их верификация оказалась самой серьезной проблемой. Кроме того, предсказательная сила таких теорий с самого начала оказывалась крайне низкой, что естественно, ставило под сомнение их научность.

В настоящее время следует признать, гуманитарное знание действительно не может оцениваться с точки зрения стандартов

естествознания и занимает некую промежуточную позицию между наукой и другими, ненаучными видами деятельности.

Сохраняя общую для науки ориентацию на ценность истины, гуманитарное знание не может не учитывать того, что его предметом является область, где превалируют иные ценности.

К примеру, перед любым научным описанием произведений литературы и искусства, создававшихся как воплощение прекрасного, неизбежно возникает задача формулирования его сущности. Задача эта, с одной стороны, неразрешима, поскольку прекрасное обладает иррациональной и субъективной стороной, которая ускользает от любых попыток описать ее и превратить в знание. С другой стороны, ничто не мешает исследователю предложить такую модель прекрасного, которая, будучи выражена рациональными средствами, одновременно пробуждала бы и эстетические чувства.

Каждая такая модель, начиная с классицистского отождествления «прекрасного» и «разумного» и заканчивая биологическими обоснованиями эстетического чувства, где прекрасное – биологическая целесообразность [6, с. 44], со временем демонстрирует свою ограниченность и вытесняется другими. Однако до момента своей элиминации она рассматривается внутри гуманитарного знания как эталон, позволяющий рациональными процедурами «выявлять» степень присутствия прекрасного в произведении и его гениальность. В XVII веке, к примеру, французский художник и теоретик Роже де Пиль, с помощью математической таблицы анализировал достижения живописцев, используя двадцатибалльную шкалу. Метод де Пиль предполагал выделение отдельных параметров живописного полотна, таких как рисунок, цвет, композиция, формальное выражение, каждый из которых затем получал числовую оценку [9].

Любая такая рациональная модель прекрасного подразумевает присутствие в ней как рациональных, так и иррациональных аспектов, поскольку она способна порождать интуитивное чувство прекрасного как у исследователя, так и у художника и публики, которое одно придает ей убедительность. Гуманитарное знание не может в данном случае оставаться на строго научных позициях, поскольку решающим аргументом в утверждении новых представлений о прекрасном становятся не рациональные доводы, а иррациональное впечатление прекрасного, которое вызывает предлагаемая в его рамках модель.

Субъективность гуманитарного знания несравненно выше, чем в естествознании,

что также сближает его с художественным творчеством. Мы видим, как во всех дисциплинах гуманитарного цикла личность ученого-исследователя самым непосредственным образом влияет на создаваемые им концепции и труды. В истории или филологии личные пристрастия ученого, его собственное видение проблемы, если оно является ярким или уникальным, позволяют ему создавать работы, оставляющие заметный след в истории его науки. В качестве примера мы можем привести работы Е. Тарле по истории наполеоновских войн или работы Ю.Н. Тынянова, посвященные русской литературе. Их труды представляют собой не только глубокие научные исследования, но и являются своего рода художественными творениями, отражающие вкусы, пристрастия, симпатии и антипатии своих создателей. Это присутствие личностного начала сопровождается ослаблением критериев объективности: гуманитарное знание имеет дело со знаками, языковыми системами, нуждающимися в интерпретации, а любая интерпретация с неизбежностью носит субъективный, личностный характер.

Общая тенденция развития гуманитарного знания демонстрирует непрерывное усиление в нем субъективного начала на протяжении XIX–XX вв. Так, Ф.Р. Анкерсмит, анализируя развитие исторической науки в этот период отмечает, что историческая наука XIX века подразумевала существование некоего «объективного» прошлого, которое необходимо было репрезентировать историку, который думал о нем как о чем-то солидном и объективно данном [1, с. 429]. Для следующих поколений историков ситуация меняется – прошлое описано и изучено, и, чтобы соревноваться с великими предшественниками, сказать о прошлом что-то новое, историки вынуждены прибегать к новым теориям. «Не прошлое, но теория стала тем зеркалом, в котором историки узнают себя и друг друга. И на протяжении более тридцати лет теория оставалась наиболее эффективным средством закрепления субъекта» [1, с. 429]. По мнению Ф.Р. Анкерсмита, к настоящему времени, по сути дела, каждый ученый-историк обладает собственной эпистемологической моделью, что является наглядным доказательством «субъективизма» гуманитарного знания.

Аналогичную ситуацию мы видим и в других гуманитарных и социальных науках, где требования новизны, в сущности, превращаются в требование новой субъективной интерпретации наблюдаемого процесса или явления; интерпретации, присущей только автору, и которая становится только его личным методологическим ин-

струментарием, поскольку следующий исследователь будет создавать уже свою собственную концепцию.

Таким образом, гуманитарное знание не может быть объективным, поскольку не просто создается субъектом, но имеет для него особое личностное значение, оно, по выражению А.Г. Бермуса, «укоренено в его жизни и смерти» [2, с. 11], и затрагивает самую суть его жизненных установок.

Языковые различия между наукой и искусством также стираются в гуманитарном знании, которое, при описании и изучении созданного человеком, вынуждено прибегать не только к языку понятий, но и к языку образов. Описание литературного или музыкального произведения, исторического события или даже обрядов туземного народа не может опираться лишь на абстрактные понятия и с необходимостью включает в себя образные элементы. На это указывал еще Г. Риккерт, когда при анализе исторических наук отмечал, что историк «будет стремиться вызвать в слушателе или читателе и некоторое наглядное представление, которое по своему содержанию далеко выходит за пределы совокупности содержания общих словесных значений. ... И история и искусство стараются возбудить наше воображение с целью воспроизведения наглядного представления» [8, с. 85]. Н.Е. Копосов в своей работе «Как думают историки» в еще большей степени подчеркивает роль пространственного воображения в работе историков, которые, по его мнению, используют его наряду с лингвистическими дескриптивными механизмами; их научные теории мобилизуют «метафоры и образы, опирающиеся на разные области внутреннего опыта» [5, с. 36].

Структуралистские исследования, направленные на выявление абстрактных структур в мифах и литературных произведениях, фиксируют их на основании противопоставления одних образов другим, сами эти образы неизбежно воспроизводятся в исследовании. Так, К. Леви-Стросс, в сравнительном анализе мифов индейцев белла-белла и чилкотин предварительно воспроизводит эти мифы, для подкрепления своих выводов он даже усиливает некоторые образные составляющие мифического повествования, используя приемы, достойные художника пера: «Отчего бы могучей людоедке испугаться чего-то настолько безвредного и незначительного, как сифоны моллюсков?...» [7, с. 341].

Описание же художественного произведения часто заставляет исследователя

создавать как бы свой собственный художественный ряд, изоморфный тому, который он описывает, переводить язык музыкальных, драматических или живописных образов на язык образов литературных с целью создания впечатления, близкому тому, которое возникает у непосредственного слушателя или зрителя. Эта образность оказывается необходимой базой проводимого анализа, поскольку без нее сами выводы исследователя выглядят необоснованными и неубедительными.

Как следствие, эмоциональность гуманитарного знания оказывается несравненно более высокой, чем естествознания. Если труды по физике и химии предельно рациональны, то выдающиеся исследования по истории искусства, литературы обычно содержат и весьма значительный эмоциональный компонент, отражающий отношение автора к исследуемому предмету. Не разрывая, таким образом, с научной рациональностью, гуманитарные дисциплины включают в свой арсенал и средства эмоциональной выразительности.

Таким образом, гуманитарное знание демонстрирует свой особый, промежуточный статус между «эталонной» с точки зрения редукционистской эпистемологии наукой (прежде всего, естествознанием) и художественной деятельностью. В то время как для наук естественного цикла идеал строгой научности сохраняет свою актуальность, для наук гуманитарного цикла он оказывается недостижимым. Гуманитарное знание неизбежно обладает такими характеристиками, как образность, субъективность, эмоциональность, что позволяет говорить о его имманентной художественности.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. – М.: Издательство «Европа», 2007. – 612 с.
2. Бермус А.Г. Введение в гуманитарную методологию. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – 336 с.
3. Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. – 243 с.
4. Конт О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении). – Ростов н/Д: «Феникс», 2003. – 256 с.
5. Копосов Н.Е. Как думают историки. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 326 с.
6. Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. – М.: Мир, 1995. – 335 с.
7. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 1999. – 392 с.
8. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
9. Соколов К.Б. Сравнение и оценка // Объект исследования – искусство (По страницам «Культурологических записок»). – М.: «Индрик», 2006. – С. 148 – 169.